Текст · 24 сентября 2019, 07:03
Алла Константинова,

«Я висел, как окорочок». Заключенные колонии в Петрозаводске рассказывают о пытках и начальнике, которому «нравится бить людей»

Исправительная колония №9 в Петрозаводске — для осужденных по тяжким и особо тяжким статьям. Здесь сидят за убийства, разбой, сбыт наркотиков. В Петрозаводске, например, отбывают наказание приговоренный к 19 годам за соучастие в убийстве политика Бориса Немцова Анзор Губашев, а также осужденный на 16 лет экс-депутат народного собрания Дагестана Магомед Магомедов. Они и другие заключенные рассказывают, как в «девятке» их обливают холодной водой и выставляют на мороз за жалобы, как скрывают преступления сотрудников и сначала вымогают деньги на ремонт, а потом заставляют самих осужденных его делать.

«Через 15 минут у тебя будет обширный инфаркт»

«В тот день обход совершал замначальника по БиОР Алексей Федотов[1] и тогдашний начальник оперативного отдела Иван Савельев[2]. Когда они вошли, дежурный по нашей камере Рахматжон Рахматов исполнял намаз. Он не встал и не прервал исполнение молитвы. На следующее утро Рахматова вывели на беседу с Савельевым. Отсутствовал он

минут сорок. Вернулся сам не свой: перепуганный, взволнованный. Сказал мне, что Савельев угрожал его избить или даже убить».

Эти события происходили в ноябре 2013 года, а в конце августа 2019-го о них рассказал адвокату Виктору Молодежникову заключенный ИК-9 Сергей Тарасов. Он с 2005 года сидит в колонии за убийства (приговорен по части 2 статьи 105 УК), до конца срока осталось еще два года. У 59-летнего Тарасова проблемы со зрением, он почти не видит. На сделанной защитником аудиозаписи слышен его тихий голос.

Тарасов рассказывает, что пытался успокоить перепуганного Рахматжона после его возвращения от оперативников, но должен был уйти в медпункт. А когда вернулся, сокамерника уже не было: его увели в ПФРСИ[3].

«В комнате оперативных сотрудников он был жестоко избит, ему нанесли травму внутренних органов, — продолжает Тарасов. — Рахматжон не мог встать, кричал. Его вынесли на носилках сначала в медсанчасть, а затем срочно вызвали скорую, сделали обезболивающие уколы и в экстренном порядке этапировали в больницу города Медвежьегорска при ИК-9. Через шесть дней он скончался в муках. Знакомые зеки рассказывали, что жутко кричал и днем, и ночью. Одному заключенному по фамилии Коремахунов удалось проникнуть в его палату: Рахматов успел сказать, что его избивали Иван Ковалев[4] и Иван Савельев. Били жестоко: руками, ногами».

Тарасова и Рахматова содержали в камере вдвоем. Сразу после этого случая Тарасова этапировали на три месяца в Сегежу: он тогда никому не жаловался на случившееся с Рахматовым, но полагает, что сотрудники колонии могли узнать, что избитый рассказал ему об угрозах Савельева. По возвращении в ИК-9 Тарасова вызвали в ту же комнату оперативников, где шесть человек начали его избивать.

«Они избивали меня в течение полутора часов, — вспоминает Тарасов. — Савельев, Ковалев, Ступов, Шаляпин, Машкин... фамилию шестого не помню. Я бы сказал, они меня убивали: пробили голову, выбили зубы, прыгали на мне, становились на горло... После тащили в умывальник, под кран, охлаждали холодной водой и вели обратно».

В комнате опсостава пытки продолжились: Тарасова, по его словам, заставили присесть, под колени положили лом, а руки завели под лом и застегнули на запястьях наручники. После этого заключенного подвесили, положив один конец лома на стул, второй – на подоконник: «Я висел, как окорочок. Иван Савельев, стоя рядом, приговаривал: "Через 15 минут у тебя будет обширный инфаркт"».

«Поливали голову холодной водой, чтобы кровообращение шло по малому кругу, выдыхали на меня сигаретный дым, плевали в лицо... не знаю, каким образом я остался жив, – продолжает он свой рассказ. – Потом меня увели в медчасть: давление упало до 90 на 60, дали обезболивающее, но ночью я все равно не мог спать — все тело болело. Утром отвели в карцер. Тогда же ко мне пришли Александр

Терех[5], Николай Гавриленко[6] и Иван Савельев со свитой. И сам Терех мне сказал: "Ну что, еще будешь писать и жаловаться? Так смотри, нам больше поверят" — и похлопал так себя по погонам. После этого Савельев вывел меня из карцера, завел в ту же комнату и стал бить меня по свежим синякам. Там еще был сотрудник Шангин, но большие усилия прилагал, конечно, Савельев. В конце он повалил меня на пол, поставил сверху стул, плюнул в лицо и сказал: "Рахматов тут так же валялся"».

Спустя полгода после гибели Рахматжона Рахматова, 27 мая 2015 года, осудили младшего инспектора надзора отдела безопасности Александра Антонюка — «стрелочника», как его назвал Тарасов. Антонюк получил три года условно за то, что, как сказано в приговоре, «с излишними усилиями и продолжительностью, явно превышая свои должностные полномочия, умышленно, со значительной, необоснованной сложившимися обстоятельствами силой, нанес лежащему на полу осужденному не менее пяти ударов резиновой палкой в область туловища, половых органов и конечностей». Из текста приговора изъяты персональные данные потерпевшего, а упоминания о том, что осужденный скончался, нет совсем — только сухая формулировка о «причинении Антонюком тяжкого вреда здоровью».

В пресс-службе Петрозаводского городского суда «Медиазоне» ответили, причинно-следственную связь между преступлением Антонюка и смертью Рахматова следователи и суд так и не выявили.

Иллюстрация: Любовь Моисеенко для «Настоящего времени»

«Девятка» и ее начальник

Петрозаводская колония строгого режима №9 — молодое по меркам России исправительное учреждение. Построили ее в конце 1980-х, тогда колония была рассчитана на 300 человек, сейчас – на 1500. В «девятке» сидят за тяжкие и особо тяжкие преступления. Фонд «В защиту прав заключенных» еще в 2003 году писал о системных нарушениях прав в колонии: жалобах на условия содержания, пытки и избиения. В 2012 году больше 40 осужденных одновременно порезали себе вены — об их протесте рассказали вышедшие на свободу заключенные: официально администрация ничего не комментировала. В том же году появились сообщения о голодовке в ИК-9 — заключенные жаловались на действия «секций дисциплины и порядка» — набранные из числа заключенных группы продолжали существовать в колонии, несмотря на их официальный запрет.

С февраля 2019 года колонией руководит Иван Савельев, 32-летний майор внутренней службы. Он попал на работу в ИК-9 сразу после профильной Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, а с 2014 года стал заместителем начальника учреждения.

Бывший заключенный ИК-9 Рубен Погосян (он вышел на свободу в январе 2017 года) рассказывает, что «коронный прием» Савельева — вплотную подойти к человеку и кричать, глядя на него сверху вниз.

Деревенщина, «хозяин», садист. За что не судят Сергея Коссиева — начальника карельской ИК-7, которая прославилась благодаря Ильдару Дадину

«Я содержался во многих карельских колониях, — рассказывает Погосян, который сидел в "девятке" в 2009 и 2010 годах, после чего его этапировали в карельскую ИК-7. — В том числе в ИК-7 Сегежи при скандально известном Сергее Коссиеве. Так вот я вам скажу: по сравнению с Савельевым Коссиев еще не жестокий. Вот Савельев — животное конченое. Чисто сталинский энкавэдэшник. По служебной лестнице его двигают за достаточно садистские наклонности. Ну а как им еще перед начальством выслужиться? Только прессингом зеков. Савельеву нравится бить людей — это я понял на примере многих товарищей,

которые находились со мной в "девятке". Он тогда еще замом работал. А меня в ИК-9 не трогали — два адвоката помогли. Если бы у меня не было такой поддержки, убили бы меня уже на второй месяц».

Узнать, как смотрит на происходящее сам Иван Савельев, редакции не удалось: управление ФСИН по Карелии отказалось организовать интервью с начальником колонии.

«Будет хуже, если мы не перестанем писать заявления»

Мурад Шуайбов осужден за убийство журналиста дагестанской газеты «Истина» Абдулмалика Ахмедилова, он не признает вины и еще в СИЗО Владикавказа писал открытые письма и жалобы. В ИК-9 его доставили 14 марта 2019 года. Бить, по его словам, начали уже через неделю.

Сотрудники ИК-9 избивали его, надев ему на голову мешок, рассказал Шуайбов адвокату Молодежникову: «20 марта 2016 года меня избили, облили холодной водой, закрыли в холодную камеру, кормили водой и кашей. Безусловно, все это происходило и происходит с дозволения начальства», – уверен заключенный. Аудиозапись его беседы с адвокатом есть в распоряжении редакции.

Тогда же он попытался обратиться в правозащитную организацию «Общественный вердикт». Но письмо не дошло до адресата.

«На следующий же день меня вызвали в санчасть: там активисты применили рукоприкладство, провоцируя меня на ответные действия. Я ничего им не отвечал, но сотрудник, войдя в помещение, задержал меня как зачинщика, после чего я попал в ШИЗО. Со стороны администрации колонии, в частности, от начальника Савельева, в отношении меня до сих пор поступают угрозы: "Не стоит тебе так себя вести", "Не выделяйся" и так далее. Здесь, как только начнешь хоть что-то говорить в ответ — сразу же попадешь в изолятор».

«Они думают, что я с гор спустилась и буду их слушаться, как баран! — возмущается 59-летняя Майя Мустафаева. — Савельев мне лично угрожал. Говорил, что сыну будет хуже, если мы не перестанем писать заявления. То же самое повторял и ему: мол, тебе мать-то свою не жалко? А вдруг с ней что-нибудь случится?».

У Майи, невысокой решительной женщины со звонким голосом, в ИК-9 сидит сын. Меджиду Мустафаеву 25 лет, его осудили за покушение на сбыт наркотиков. Все четыре года, что Меджид в колонии, Майя ведет с ее руководством войну: сначала с бывшим начальником Николаем Гавриленко, теперь – с Иваном Савельевым.

В 2017 году Меджид на длительном свидании передал матери письмо, в котором рассказал о жестоких избиениях. Он писал, как его выставляли в мокрой одежде на мороз на полдня (Майя говорит, что у сына от рождения только одна почка и проблемы с позвоночником), как он стоял по восемь часов в «растяжке», а его били по ногам и корпусу. На том же

свидании Меджид, задрав штанины, показал матери огромные гематомы на ногах.

Майя стала жаловаться, обратилась к уполномоченному по правам человека в Карелии Александру Шарапову, тот приехал в колонию и поговорил с ее начальником Гавриленко. «После этого Гавриленко просил меня никуда больше не жаловаться, пообещав дать согласие на отправку сына за мой счет на обследование в больницу», — рассказывает Мустафаева. Она два месяца пыталась получить разрешение на это, но тщетно — в больницу Меджид так и не попал: «Естественно, за этот срок все кровоподтеки и ушибы на его теле прошли».

Около года после этого Меджида «физически не трогали», рассказывает Майя — до тех пор, пока в мае 2019 года он не написал ходатайство о переводе на принудительные работы[7]. Но руководству колонии эта идея не понравилась.

Сначала от него прекратились звонки. Потом сын по телефону попросил мать в тот же день написать заявления в ОНК, в прокуратуру и уполномоченному по правам человека. Говорил по-русски, вспоминает Майя, но пару раз произносил слово «дуюлля» — с азербайджанского оно переводится как «бьют». Когда мать предложила сыну пожаловаться новому начальнику колонии Ивану Савельеву, Меджид лишь горько усмехнулся: «Он все знает».

Ходатайство на смягчение условий сын не забирал. «Увидев, что Меджид не "ломается", его даже перевели в отсек для "обиженных" — в мае этого года. Говорили, что сделают с ним то же самое. Или

надеялись, что он сам с собой что-нибудь сотворит», – рассказывает Мустафаева.

Прорываясь к сыну в колонию, она побывала на приеме у Савельева и его заместителей, потом, наконец, получила свидание. Меджид выглядел устало, подробностей не рассказывал: боялся, что их подслушивают.

[«Кто-то взял чай, кто-то конфеты, кто-то просто провалился в деревянный туалет»](). Статус «опущенного» как кейс для ЕСПЧ

«Меджид сказал мне: "Мама, они все люди, мне все равно, кто обиженный, а кто нет", — рассказывает Майя. — Он просто хочет, чтобы его не трогали. Хочет дальше учиться и работать в автомастерской при колонии, а потом освободиться и пойти на юридический». В смягчении условий содержания Меджиду отказал суд.

С «обиженными» Мустафаев прожил два месяца. Через некоторое время после проверок прокуратуры и ОНК его все-таки от них отселили.
Проверка показала, что к Меджиду «физическая сила не применялась», а представители ОНК Карелии сообщили, что заключенному «были даны соответствующие разъяснения согласно действующего законодательства».

Майя Мустафаева считает, что администрация колонии в мае 2019 года, когда она еще не разослала заявления в ОНК и прокуратуру, попыталась ее «припугнуть». Однажды женщина вышла с территории колонии и пошла по обочине дороги, как вдруг ее обогнал черный внедорожник, проехал на несколько метров вперед, развернулся и на полном ходу помчался на нее. Майя, готовая в любой момент прыгнуть в канаву, остановилась; не доезжая пару метров, внедорожник резко свернул и, оставив столб пыли, уехал. За рулем был незнакомый Мустафаевой мужчина.

Иллюстрация: Любовь Моисеенко для «Настоящего времени»

«Пришлось писать Рамзану Кадырову»

Анзор Губашев, один из пятерых осужденных за убийство Бориса Немцова, отбывает наказание в ИК-9 с января 2018 года. Он под запись рассказал адвокату Виктору Молодежникову о травле на религиозной почве: 11 июля 2019 года у него при

техническом осмотре в камере порвали обложку Корана и бросили личное полотенце на пол, а также регулярно мешают совершать намаз — даже в официально свободное время.

«Положенное время намаза не соответствует здешнему распорядку дня, — говорит Губашев на аудиозаписи. — Я не могу молиться ни в 7 утра, ни в 10:40, ни в 20 часов вечера. Но я не могу молиться и в свободное по правилам колонии время».

Правила внутреннего распорядка предписывают заключенным вставать всегда, когда в камеру входит сотрудник колонии. По правилам ислама, прерывать намаз нельзя, это считается грехом.

«Если молящийся прерывает намаз, это означает, что он считает отвлекающего его человека важнее Аллаха», — объясняет Губашев. Он не встает при появлении сотрудников, и за это нарушение уже получал неделю в ШИЗО, а затем — еще две недели за намаз в ночное время.

Еще одно взыскание — три месяца в едином помещении камерного типа (ЕПКТ) — Губашев получил, когда не расслышал команду готовиться ко сну и лег в койку за пять минут до объявления отбоя, рассказывает адвокат Молодежников. Защитник считает все три взыскания несоразмерными, называя «нечеловечным» отношение администрации колонии к осужденным:

«Извинений за порванный Коран так и не последовало. Супруге Губашева пришлось писать Рамзану Кадырову, реакцию ждем. Не просто так

у нас в стране свобода вероисповедания — она должна соблюдаться, но администрации ИК-9 закон не писан. Несмотря на то, что Губашев осужден по тяжкой статье, цель пенитенциарной системы — исправление. О каком исправлении мы можем говорить при таком отношении?».

«Следствие ни разу не установило фактов избиения»

«С Губашевым мы разговаривали, он заулыбался, спрашивает: "Спасибо, когда еще придете?". В конфликтных ситуациях мы беседуем с осужденными и начальством колонии, пытаясь проанализировать ситуацию так, как позволяет нам жизненный опыт и знания. Просим всех соблюдать ПВР[8] и закон Российской Федерации»,

— рассказывает о своей работе председатель общественно-наблюдательной комиссии Карелии Григорий Алешко. Он говорит что ОНК делает все возможное и старается помочь «хотя бы добрым словом»:

«Даже такая бывает практика: нам звонит администрация колонии и просит прийти к такому-то осужденному. Не думаю, что это говорит о том, что они нас не опасаются, нет. К нам же и родственники обращаются, и адвокаты. Как бы я охарактеризовал начальника колонии Ивана Савельева? Молодой, энергичный, требовательный. А оценивать его профессиональные качества, наверное, не очень правильно. Чрезмерно жесткий? Ну нет. Как можно быть начальником колонии и при этом

мягким? А вопросы, конечно, возникают. Но они и на "гражданке" возникают».

Адвокат Молодежников говорит, что с заключенными даже не беседуют лично, когда от них приходят жалобы: «Мы с моими доверителями периодически отправляем заявления и начальнику УФСИН по Карелии Александру Тереху, и прокурору по надзору Александру Кытькову. Ответы всегда приходят примерно такие: "Мы проверили, все нормально". Неужели надзорные органы действительно считают, что в ИК-9 все хорошо? По-моему, это называется просто: бездействие».

Зампрокурора Карелии Вячеслав Побединский считает, что это называется по-другому: просто заключенные говорят неправду. «Когда осужденный делает заявление об избиении, мы передаем его в Следственный комитет для проведения проверки на наличие признаков преступления, — объясняет Побединский. — Те осужденные, которые заявляли о физическом насилии — по ним проводились проверки СК. И да, были приняты официальные решения. Были ли эти решения когда-либо в пользу осужденных? Нет, все были об отказе в возбуждении уголовного дела — следствие ни разу не установило фактов избиения».

«Человек ты не бедный»

Бывший депутат Народного собрания Дагестана Магомед Магомедов рассказывает, что с ним Иван Савельев сначала пытался сотрудничать. Когда осужденный за вымогательство и мошенничество

Магомедов в июле 2015 года прибыл в ИК-9, Савельев был заместителем начальника.

«Он хотел, чтобы я занимался доносами на других осужденных, подстрекательством и всяческого рода провокациями, — рассказал адвокату Молодежникову экс-депутат (запись их разговора тоже есть в распоряжении редакции). — Я отказался, заявив, что хотел бы спокойно отбывать свой срок, ни во что подобное не влезая. С тех пор на меня усилилось давление. Дело в том, что в колонии выстроена система так называемых "активистов": дневальных, завхозов и так далее. Это осужденные, которые работают на администрацию колонии, указывают нам, другим осужденным, что нам делать, когда нам есть, спать, вставать, залезают в наши личные вещи... Естественно, это противоречит ПВР и Уголовному кодексу. Но в ИК-9, честно говоря, вообще далеки от закона, что это такое, тут даже не слышали. Я это говорю с полной ответственностью».

По словам Магомедова, руководство ИК-9 «пробивает» каждого осужденного: узнает, насколько хорошо вновь прибывший обеспечен. Если деньги есть, начинается вымогательство: «Активисты сразу стали требовать с меня деньги: якобы на ремонтные работы в колонии. Рассказывали, что в колонии можно купить все: за 15 тысяч, например, получить поощрение». За обращение в администрацию Магомедова поместили в ШИЗО (якобы он вел себя грубо), а когда адвокаты обратились с жалобой, руководство колонии вызвало экс-сенатора на беседу: «Пообещали, что такого больше не повторится, если я заберу заявление».

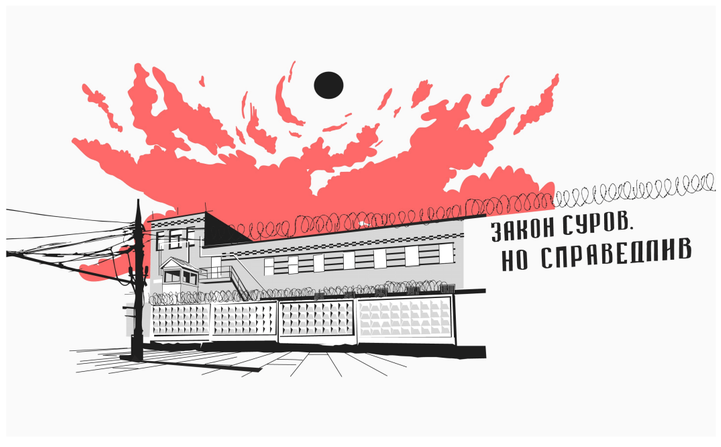

Иллюстрация: Любовь Моисеенко для «Настоящего времени»

Магомедов согласился и, как он признается, «несколько лет прожил спокойно». Согласился купить в отряд холодильник, лавку, стол. «В "инвалидном" отряде, где я находился, все куплено на мои деньги — и осужденные это знают, и у нас есть свидетели перевода якобы благотворительных денег», – рассказывает экс-депутат.

Когда в начале 2019 года Савельев стал начальником колонии, у Магомедова вновь начались проблемы. Заключенный отказался от должности уборщика, сославшись на заболевания, и тогда его перевели в ШИЗО. Прокуратура не обнаружила нарушений в действиях колонии, а вот Петрозаводский городской суд их нашел — Магомедова выпустили из штрафного изолятора, но в отряд не вернули.

«Меня перевели в отряд СУОН[9], и вот уже год я нахожусь там», — рассказывает Магомедов. По словам заключенного, без ответа остаются одна за другой его жалобы в прокуратуру и УФСИН: «А в суде мы с адвокатами выигрываем дела одно за другим».

«Он даже не знал, как этот станок выключается»

Во время одной из тяжб экс-депутата с ИК-9 выяснилось, что с нарушениями составлены

договоры на ремонт зданий. Они построены 40 лет назад и находятся в аварийном состоянии. На ремонт крыш управление ФСИН Карелии заключило договор с самим собой, а двускатную крышу с повышенной нагрузкой строит силами заключенных-непрофессионалов, говорит Магомедов.

Заключенные ИК-9 производят изделия из дерева и металла, пекут хлеб, работают на обработке камня, делают светильники, сувенирную продукцию, ремонтируют автотранспорт. Пытались наладить производство туалетной бумаги, пока в колонии не произошел несчастный случай, рассказывает мать осужденного Ильи Шабанова Светлана (фамилия заключенного и его матери изменена). Шабанов потерял в «девятке» четыре пальца во время работы на бумагопрокатном станке. Уже несколько лет мать пытается наказать колонию за то, что ее сын стал калекой.

Это произошло 22 июля 2016 года, Илье Шабанову тогда было 19 лет. Он написал заявление на работу сборщиком мебели, рассказывает Светлана. У молодого человека близорукость, и он нигде раньше не работал. Но вопреки просьбе Шабанова поставили к станку, производящему туалетную бумагу, рассказали, как вставлять и как поправлять бумажное полотнище.

В день несчастного случая Илью оставили у станка одного: все остальные работники цеха, в том числе руководитель из числа заключенных (по документам он числился подсобным рабочим), ушли на перекличку. Когда бумага начала рваться,

перепуганный материальной ответственностью новичок стал поправлять ее руками — позже он расскажет, что видел, как так делал его руководитель. Левую кисть Шабанова засосало в станок.

«Он даже не знал, как этот станок выключается — вот такая там техника безопасности, — говорит Светлана. — Лишь спустя несколько минут Илью заметил какой-то из осужденных. Станок не с первого раза выключили и почти бездыханного сына повезли в медпункт, а затем в больницу, где ему ампутировали четыре пальца».

Реального лечения в этой подведомственной ФСИН больнице РБ-2 добиться невозможно, говорит Ахмед Умаров, еще один доверитель адвоката Молодежникова: «У меня кровотечение из заднего прохода, половина головы онемела, болит то ли позвоночник, то ли почки, ноги, ухо не слышит… Меня из колонии везут в ФК ЛПУ РБ-2, там только подтверждают мои диагнозы — и отправляют обратно в колонию. У меня есть официальный документ от невролога со всеми рекомендациями при моем заболевании — но здесь, в ИК-9, не могут их выполнить. Они убивают меня ежедневно, по чуть-чуть».

Сейчас Светлана Шабанова пытается доказать, что сыну не преподавали технику безопасности, а сотрудники колонии давали ложные показания. После случившегося с Ильей возбудили уголовное дело и назначили экспертизу, в феврале 2017 года ее провел экспертно-криминалистический центр МВД России по Карелии. Она показала, что Шабанов расписался в журнале первичного инструктажа,

а в документах с инструкциями по технике безопасности и в карте специальной оценки труда стоят не его подписи. Несмотря на это, уголовное дело закрыли — теперь Светлана добивается отмены этого решения.

Илью Шабанова тем временем «прессуют» в колонии за жалобы: об этом он рассказывает матери и пишет в прокуратуру.

«У него не было выбора»

26 августа 2019 года адвокат Виктор Молодежников записал на диктофон показания Сергея Тарасова, который рассказал о совершенном в колонии убийстве, еще спустя два дня — свидетельства экс-депутата Магомедова, Анзора Губашева и других заключенных. Магомед Магомедов через несколько дней после встречи с адвокатом отказался от части своих слов (они в тексте не приведены).

Адвокат отправил заявления заключенных Магомедова, Умарова, Губашева, Шуайбова и Тарасова в СУ СК по Республике Карелия, а также в прокуратуру Карелии, управления ФСБ, ФСИН и депутату Госдумы Гаджимураду Омарову. Последний сделал депутатские запросы руководителям силовых ведомств о происходящем в ИК-9. По словам Молодежникова, из СК уже пришел ответ, в котором говорится, что следственный отдел Петрозаводска начал проверку.

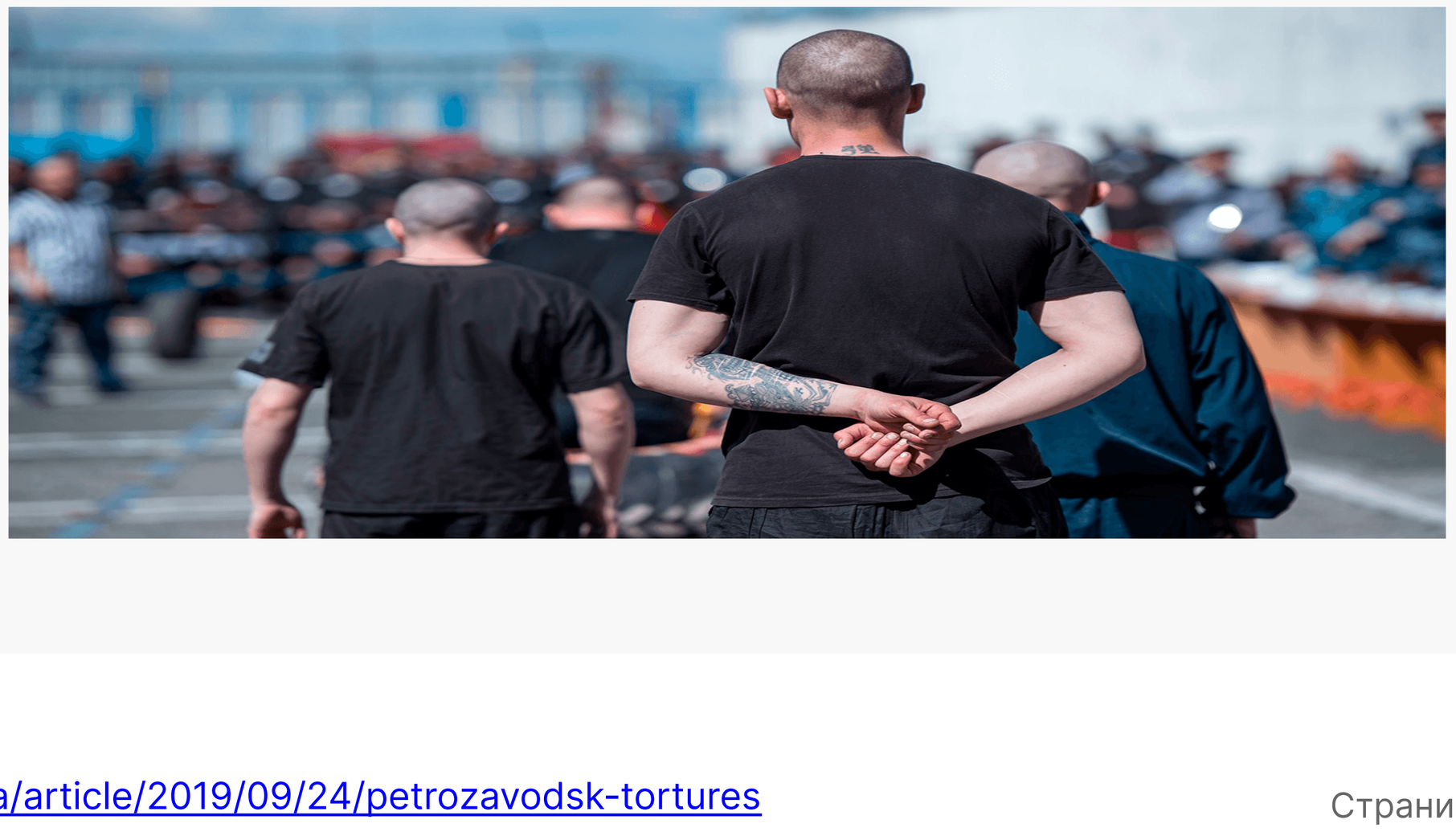
А 29 августа заключенный Сергей Тарасов пропал. Администрация колонии спустя два дня сообщила,

что его отправили в ФКЛПУ РБ-2[10], или, как

ее называют в колонии, «больничку». Осужденные говорят, что это место, куда отправляют отлежаться после избиений. Адвоката Молодежникова к Тарасову не допускают, заявляя, что он отказался от его услуг.

Экс-заключенный ИК-9 Рубен Погосян, который общается с Тарасовым по телефону, позже подтвердил отказ заключенного от услуг защитника. Когда Погосян спросил о причинах такого решения, Тарасов ответил, что у него «не было выбора». При этом письменных отказов — они должны быть по закону — адвокату не предоставили.

Через неделю после исчезновения Тарасова, 7 сентября 2019 года, в автомастерской покончил с собой 32-летний Баходур Кушмуродов. По словам родственников, ему оставалось чуть меньше двух месяцев до подачи документов на условно-досрочное освобождение. Еще в июле он звонил родным и просил собрать стандартный пакет документов: о смерти родителей, о том, что у него двое детей, характеристику с места работы в Узбекистане. В конце августа документы уже были у него на руках. Успел ли он подать прошение об УДО и было ли оно рассмотрено, неизвестно.

«Красней не бывает». История нижегородской ИК-14, которую правозащитники называли пыточной, а сотрудники ФСИН — образцово-показательной

За неделю до смерти Баходур звонил в Петербург своей тете Дилором Каримовой. «Он вообще мне каждое воскресенье звонил, — плачет она. — Хороший он племянник был, заботливый. В последний раз сказал, что его освободят в конце октября. Был веселый, говорил, что соскучился по жене и детям, которые живут в Узбекистане. Планировал после освобождения начать свой бизнес по ремонту машин. А в то воскресенье вместо него мне позвонил дежурный. Спросил, я ли тетя Баходура. А потом сказал: "Баходура больше нет. Он умер. Приезжайте"».

Уже через полдня Дилором и Усман Ташмуратов, двоюродный брат погибшего, были в Петрозаводске. «[Сотрудники] сказали нам, что сами не понимают, почему он это сделал, — говорит Усман. — И якобы в том месте в автомастерской, где он скончался, нет камер. Поэтому никто из родственников не верит, что он мог покончить с собой. Скажите, зачем терпеть пять лет в колонии и за два месяца до освобождения себя убивать? Тем более совсем недавно он говорил мне, что у него "все впереди"».

Учкун Эльмурзаев освободился из ИК-9 в 2017 году. Он знал Баходура и работал вместе с ним: «Понимаете, в этой автомастерской нет и угла, где были бы не установлены камеры. А еще вокруг всегда есть либо другие рабочие-осужденные, либо бригадир, начальник смены, старший по цеху… Как такое могло

случиться, что он остался один? Я в колонии девять лет пробыл и не верю в версию, которую предложили его родственникам».

Публикация подготовлена совместно редакциями «Медиазоны» и телеканала «Настоящее время». Редакторы: Егор Сковорода («Медиазона»), Елена Шмараева («Настоящее время»).

---

1. БиОР — безопасность и оперативная работа. Сейчас Алексей Федотов занимает пост первого заместителя начальника УФСИН России по республике Карелия.
2. Сейчас он возглавляет ИК-9.
3. Помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора, фактически это тюрьма внутри колонии.
4. Сейчас — заместитель начальника ИК-9.
5. Начальник УФСИН России по Карелии.
6. В то время возглавлял ИК-9.
7. С начала 2019 года заключенные, отбывшие часть срока (для преступлений небольшой тяжести — четверть, для особо тяжких — не меньше половины), могут просить о переводе на принудительные работы. Это право предусмотрено статье 80 УК.
8. Правила внутреннего распорядка.
9. СУОН — отряд в колонии со строгими условиями отбывания наказания.
10. Федеральное казенное лечебно-профилактическое учреждение «Республиканская больница №2» управления ФСИН по республике Карелия.